

**Рец.: Таран Л. В. Французька, російська і українська історіографія (70-ті рр. XIX поч. XX ст.). Видавництво НДУ імені Миколи Гоголя. Ніжин, 2009. 247 с.**

*Ключевые слова:* русско-украинская историческая школа, И. В. Лучицкий, французская, российская и украинская историография.

Рецензируемая монография является дополненной почти на пять печатных листов книгой автора «Историческая мысль Франции и России (70-е гг. XIX нач. 40-х гг. XX ст.)», вышедшей в 1994 г. Уже тогда известные украинские историки В. Г. Сарбей и Г. В. Павленко писали в своих рецензиях на книгу<sup>1</sup>, что автор напрасно не решила говорить об украинской школе в изучении проблем Французской революции, хотя достаточно много пишет об изучавших ее украинских историках как дореволюционного, так и послереволюционного периода<sup>2</sup>.

В новой книге автор ввела в научный оборот новое название школы, занимавшейся аграрными проблемами переходного периода. В России и СССР школа называлась (в России и сейчас называется) «русской школой». В начале XX в. Ж. Жорес называл её «l'école française et russe», включая при этом двух украинцев И. В. Лучицкого и М. М. Ковалевского, одного русского – Н. И. Кареева и одного француза – Ф. Саньяка. Автор называет школу «русско-украинская историческая школа», и название это вошло в украинскую историографию. Такое наименование школы оправдано, хотя известный российский историк Г. П. Мягков отказывает И. В. Лучицкому в праве считаться учёным этой школы на том основании, что последний 30 лет преподавал в Киевском университете<sup>3</sup>. Но ведь из трёх составляющих понятие «научная школа» – центр, лидер(ы), набор научных парадигм – главной всё же является третья.

Во-вторых, автором учтены накопившиеся за полтора десятилетия украинские научные материалы о хронологических рамках переходной эпохи от средневековья к капитализму, а особенно о её содержании. Здесь выделяется аргументация таких специалистов, как Я. Д. Исаевич, Н. Н. Яковенко, И. Лысяк-Рудницкий, которые разрабатывают культурологический подход к истории. Ими чётко аргументированы верхние границы переходной эпохи для Украины – 70-80-е годы XVI в. Сама же автор, которая давно ведёт полемику с уважаемым украинским учёным

---

<sup>1</sup> Сарбей В. Г., Павленко Г. В. 2007. Рецензия Г. В. Павленко была также напечатана в журнале «Новая и новейшая история». 2007. № 2.

<sup>2</sup> Український історичний журнал. 2007. № 2. С. 170.

<sup>3</sup> Мягков. 2000.

А. П. Реентом, считающим, что «установить хронологические рамки эпохи в принципе невозможно, потому что это процесс»<sup>4</sup>, называет нижними границами эпохи для России и Украины 1880-е годы – начало XX в. и убедительно аргументирует этот тезис.

Автор более подробно, чем в 1994 г., останавливается на работах И. В. Лучицкого по истории украинского землевладения и землепользования. В 2007 г. С. И. Лучицкой и Л. В. Таран была опубликована статья<sup>5</sup> по указанным проблемам. В своё время В. Г. Сарбей отметил, что автор монографии «Историческая мысль Франции и России...» лишь упоминает о полемике И. В. Лучицкого с А. Я. Эфименко по этому вопросу; в статье в целом рассматривается полемика учёного не только с А. Я. Эфименко, но и с Д. И. Багалеем, И. П. Новицким<sup>6</sup>. На страницах рецензируемой книги, в которую вошли материалы этой статьи, показано, что И. В. Лучицкий, вовлечённый в общественно-политическую борьбу своего времени, пытался втиснуть богатый архивный материал в рамки общинной теории. Интерес к последней, что общеизвестно, подогревался ситуацией пореформенной эпохи, полемикой народников и марксистов, а также появлением марковой теории (Markgenossenschaft), виднейшим представителем которой был Л. Г. Маурер. Последний считал, что из древнегерманской общины-марки выростали раннефеодальные отношения в Европе. В рецензируемой монографии отмечено, что, несмотря на серьёзную научную оппозицию этой теории, её горячим сторонником выступил К. Маркс; теория помогала ему обосновывать исконность существования общины в древности и неизбежность коммунистического строя в будущем.

Страницы книги, посвященные эволюции аграрных отношений в средневековой Украине, содержат ценную аргументацию в пользу решения вопроса о характере национального движения на Украине в XVI в. После восстания Богдана Хмельницкого прежние социально-экономические порядки были «скасованы казацкой саблею». Дела решались народным самоуправлением, громадою, которая объявила всю землю собственностью казацкого войска и делила её между членами громады. Как В. А. Смолий и В. Степанков, Л. В. Таран считает украинское движение XVI в. ранней буржуазной революцией.

И всё же главное внимание автора рецензируемой книги привлечено не к концептуальным (хотя и очень важным) проблемам истории

---

<sup>4</sup> Реент. 2003. С. 6.

<sup>5</sup> Лучицкая С. И., Таран Л. В. 2007. № 3.

<sup>6</sup> Там же. С. 156-158.

Французской революции и истории Украины, но к исследованию теоретико-методологической эволюции исторической науки от позитивизма до пост-постмодернизма. Убедительно показано, что до 1929 г. в исторической науке СССР, господствовал методологический плюрализм, а после первого съезда историков-марксистов, марксизм был объявлен единственной научной методологией истории, марксизм упрощённый, вульгаризированный. Из пяти парадигм исторической теории К. Маркса, были отброшены две – системность и объектно-субъектный подход к историческим реалиям. Советская историография с 1929 г. занималась макроисторией – историей экономических, социальных, политических и других процессов, а человек как субъект истории и составляющая теории познания внимания не удостоивался.

С понятной горечью автор пишет, что Украина оказалась гуманитарной провинцией. Были прикрыты все научные центры, которым руководил М. Грушевский. И в книге от 1994 г., и в последующих работах Л. В. Таран пишет, что этот учёный не был ни «народником», ни «державником», как пытались его представить историки независимой Украины. Он был – в соответствии с современными ему идейными течениями исторической мысли – последовательно романтиком, позитивистом, неокантианцем и применял социологические методы изучения истории. В украинские библиотеки с 1929 г. перестала поступать зарубежная историческая литература и историческая периодика.

Не отбрасывая марксизм как методологию, но и не абсолютизируя его теоретико-методологические принципы, Л. В. Таран широко использует междисциплинарный подход, данные исторической географии, психологии, антропологии, экономической науки.

В третьей и четвёртой главах рецензируемой книги показано, что французская историография, взявшая на вооружение парадигмы неокантианства, а также, сохраняя преемственность историографической традиции – усвоив лучшее из позитивизма и марксизма, явила научному миру такой значительный научный феномен, как школа «Анналов», сосредоточив своё внимание на человеке как субъекте истории. Тысячи томов написаны в мире о проблеме ментальности, лингвистическом повороте; разворачивается археологическая революция. Об этом пишет в своей книге Л. В. Таран. И везде, где позволял материал, автор удачно и к месту сопоставляет развитие проблем теории и методологии истории во Франции, России, СССР, на постсоветском научном пространстве, прежде всего – русском и украинском (с. 100-102, 105-108, 115-120, 125-126, 127,129, 137-138, 144-157, 166-176). В книге Л. Таран сформулирован парадоксальный в сравнении с общим её научным дискурсом вывод

о живучести позитивизма (с. 168): несмотря на всю силу и резкость критики, которую в своё время обрушили на него Ф. Симиан, А. Берр, Л. Февр, интерес к позитивистским парадигмам в мире не угасает, а в Украине тем более. В книге изложение позитивистских принципов ограничено первой главой. Главное внимание исследовательницы уделяется последующему развитию историографии.

В последней, пятой главе Л. В. Таран исследует постмодернизм и пост-постмодернизм, опираясь на достижения мировой историографии – английской, немецкой, итальянской, американской. Страницы 166-176 целиком посвящены историографии украинской. Автор отмечает, что, хотя в плане концептуального переосмысления своей истории она за годы независимости совершила прорыв, тем не менее, украинское историка в массе своей остаются на позициях позитивистско-марксистских (зачастую не упоминая самого К. Маркса). И всё же в сложных условиях институционального кризиса, ими предпринимаются большие усилия для овладения новыми методологическими подходами. Вполне обоснован вывод (с. 176) о том, что украинская историография имеет догоняющий характер. Всё изложенное автор не относит однозначно ко всем украинским академическим институтам и университетским центрам.

Подводя итоги, можно сказать, что рецензируемая книга ценна – и это главное – тем, что её первый вариант, книга 1994 г., и новая дополненная, доработанная книга, была и будет действенной помощью украинским историкам для разворачивания широкого фронта актуальных исторических исследований на плюралистической методологической основе и для переосмысления концепции М. Грушевского об украинском историческом процессе, как линейном, закономерном пути Украины к независимости.

## БИБЛИОГРАФИЯ

*Лучицкая С. И., Таран Л. В.* Иван Васильевич Лучицкий – исследователь истории Украины // Вопросы истории 2007. № 3.

*Мягков Г. П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.

*Реент О.* Україна в імперську добу (XIX – поч. XX ст.) Київ. 2003.

*Сарбей В. Г., Павленко Г. В.* Рец. на кн.: *Таран Л. В.* Историческая мысль Франции и России (70-е гг. XIX – нач. 70-х гг. XX в.) Историческая мысль Франции и России // Український історичний журнал. 2007. № 2.

**Кульчицкий Станислав Вячеславович**, доктор исторических наук, профессор, зав. отделом Института истории Украины НАН Украины.